

Л. В. Туленинова,

Луганська державна академія культури і мистецтв, м. Луганськ

МИФЫ ЗДОРОВЬЯ И БОЛЕЗНИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ АНГЛИЧАН И РУССКИХ

В статье рассматривается проблема возникновения мифов здоровья и болезни с точки зрения формирования языкового сознания представителей двух лингвокультур. На основании исследования делаются выводы о неизбежности отражения сформировавшихся когнитивных схем в стереотипных языковых моделях, различия в вариантах которых обусловлены разницей в ценностных приоритетах сравниваемых культур.

Ключевые слова: языковое сознание, концепт, миф, стереотипические модели.

У статті розглядається проблема виникнення міфів здоров'я і хвороби з точки зору формування мовної свідомості представників двох лінгвокультур. На підставі дослідження робляться висновки про неминучість відображення сформованих когнітивних схем у стереотипних мовних моделях, відмінності у варіантах яких обумовлені відмінностями в ціннісних пріоритетах порівнюваних культур.

Ключові слова: мовна свідомість, концепт, міф, стереотипні моделі.

The issue of the myths of health and disease is analyzed in terms of the formation of linguistic consciousness in English and Russian cultures. The conclusion about the inevitability of reflection of definite cognitive schemes in stereotypical linguistic models is based on the analysis of the factual material. Some differences in the variants are explained by dissimilarity in value priorities of the two cultures.

Keywords: linguistic consciousness, concept, myth, metaphorical models.

Языковое сознание является одной из наиболее актуальных проблем в современной психолингвистике, где данное понятие связано с понятием «образа мира», являющегося основополагающей компонентой культуры этноса и индивидуальным для каждой культуры [3, с. 9]. Образ мира, по определению А.А. Леонтьева, это «отображение в психике человека предметного мира, опосредованного предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами, и поддающееся при этом сознательной рефлексии» [2, с.105]. Этнические особенности образа мира, заложенные в когнитивных схемах, находят свое воплощение в вербальных репрезентациях того или иного концепта культуры, т.е. отражаются в языковой картине мира.

Языковая картина мира народа, в свою очередь, «отражает как способы воплощения и структуры знаний о мире, особенности восприятия и концептуализации мира, так и этапы и результаты освоения человеком когнитивного пространства средствами национального языка» [1, с. 3]. Картина мира как лингвокультурологическая категория включает в себя определенные способы языковой концептуализации мира (А.Вежицкая, Н.Ф.Алефиренко, А.П.Бабушкин, И.А.Стернин, С.Г.Воркачев, С.А.Аскольдов, Ч.Моррис, Е.С.Кубрякова, В.П.Нерознак, З.Д.Попова, Д.С.Лихачев, В.И.Карасик, С.Х.Ляпин, Г.Г.Слышкин и др.).

Способность человека говорить так или иначе о своих ощущениях не является, таким образом, его индивидуальной особенностью, а коррелируется его принадлежностью к определенной лингвокультуре. Способы же вербализации концептов «болезнь» и «здоровье» в различных культурах во многом обусловлены тем, на каком этапе развития в данной культуре находятся соответствующие им мифы, которые и являются предметом, еще не получившим, на наш взгляд, должного освещения в лингвокультурологических исследованиях.

Итак, мы исходим из того, что в основе ряда концептов (в частности, отличающихся высокой степенью абстрактности) лежит миф. О своих физических ощущениях человек вырабатывает определенное мнение, которое воплощается в особом мифе – мифе состояния здоровья. Мы имеем в виду не только мифологию как совокупность мифов (к примеру, мифов о болезнях), но и в значении, которое придает термину «миф болезни» А.Ш. Тхостов, трактующий болезнь как семиотическую систему [7, с. 3-16]. Данная теория интересна для нас, прежде всего, тем, что она предлагает сконцентрировать внимание на роли языка в построении мифа. Отметим, что именно языковые различия и сходства являются наиболее показательными и культурно детерминированными.

При семиологическом подходе, отмечает А.Ш. Тхостов, «термин «миф» не несет никакой оценки, характеризуя лишь способ связи конструкторов разного уровня», т.е. то, как связаны означающее (болезненное ощущение) и означаемое (симптом болезни). По А.Ш. Тхостову, любое субъективное ощущение в контексте болезни «начинает означать не только само себя, но и то, что в принципе ему внеположено – болезнь» [там же, с. 4]. На наш взгляд, данное положение справедливо и по отношению к здоровью (как благополучию организма): субъективные ощущения здоровья (будь то ощущения бодрости, свежести, силы или даже счастья) начинают означать само здоровье. Так же как А.Ш.Тхостов связывает формирование подобного вторичного значения, которое в медицинской психологии обычно квалифицировалось как интеллектуальный уровень внутренней картины болезни «с усвоением существующих в культуре взглядов на болезни, их причины, механизмы», [там же, с. 3], с данными факторами – культурно-обусловленными взглядами на здоровье мы связываем и формирование интеллектуального уровня «внутренней картины здоровья». «Включение телесности через концепт болезни в накопленный общественный опыт» помогает «частично компенсировать» «потери в непосредственности», вводя «новую событийность, время, эпоху, людей, истории, принципы устройства мира и пр.» и делая миф «открытой системой», постоянно «улавливающей все новое, что появляется в общественном сознании», считает А.Ш.Тхостов [там же, с. 5].

Порождение и развитие мифа болезни прослеживает и американский критик Элейн Шоултер, которая в своей работе «Hystories» так объясняет постоянное распространение «истерических эпидемий» – «hysterical

epidemics» (ср. с написанием слова *Hystories*): «синдрома хронической усталости», «синдрома Gulf war», «синдрома раздвоения личности» («multiple personality syndrome»), «одержимости дьяволом» («satanic abuse») и другие в последние годы прошедшего тысячелетия: «Это – примеры перехода эмоциональной боли и конфликта («conversion of emotional pain and conflict») в завуалированный, но приемлемый культурой язык болезни тела <...>. Терапевт или какой-либо другой авторитет в науке придумывает соответствующую «теорию», давая связное и понятное объяснение нечетким симптомам, так же как и новое, запоминающееся название» [14, с. 6–7]. Далее критик подробно описывает процесс формирования мифа новой «болезни» (которым, собственно, и является «теория» – Л.Т.) с привлечением СМИ, книжной индустрии, известных персон и т.п., которая таким образом становится «острой болезнью, передаваемой контактным путем» («acutely communicable disease») [там же]. Все сказанное выше о болезни мы считаем совершенно справедливым и по отношению к здоровью: вспомним хотя бы «моржевание», «бодибилдинг» и т.п.

Как показывают исследования, каждая эпоха имеет свои мифы болезни, в том числе и современная, хотя и отмеченная довольно высоким уровнем развития научного знания, т.к. с точки зрения на болезнь как семиотическую систему «собственно научное объяснение – также вариант мифа» [7, с. 4]. Каким же образом этот миф отражают английские и русские языковые единицы? Подходы к толкованию понятия болезни в научных и научно-популярных изданиях на английском языке, в общем, идентичны и отмечены стремлением разграничить понятия, предстающие в толковых и переводных словарях как синонимичные: определяя *disease* как «отклонение от нормального физического состояния живого организма, имеющее очевидные признаки, или симптомы», «Энциклопедия Британика» предостерегает от уравнивания данного понятия с *illness*: «Человек может иметь *disease* на протяжении многих лет, даже не подозревая о ней. Хотя он и *diseased*, он не *ill*. Термин *illness* подразумевает дискомфорт или неспособность функционировать оптимально. Следовательно, это субъективное состояние отсутствия благополучия, вызванное болезнью (*disease*)» [10, с. 346]. Такого же мнения в различии двух терминов придерживается врач М. Маринкер (Marshall Marinker), определяющий *Disease* как патологический процесс, иногда непонятного происхождения, как при шизофрении. При болезни – *disease* существует некая объективность, которую врачи могут увидеть, потрогать, измерить, понюхать. Болезни (*Diseases*) оцениваются как центральные факты с точки зрения медицины. *Illness* – это «чувство, ощущение нездоровья, которое является абсолютно личным, внутренним по отношению к личности пациента». Иногда *illness* существует там, где не обнаруживается никакой болезни (*disease*). Еще одно понятие, которое он добавляет к двум описанным выше – *sickness*, имеет, на наш взгляд, непосредственное отношение к интерпретации понятия «болезнь» в обществе, и таким образом в культуре. Он определяет его как «внешний и публичный вид нездоровья», как «социальную роль, статус, договорное положение в мире, сделку между человеком, называемым «больным» и обществом, которое готово признать и поддержать его. В заключение врач предлагает следующее различие трех терминов: *Disease* – патологический процесс, отклонение от биологической нормы. *Illness* – персональное ощущение плохого здоровья, иногда без обнаружения при этом *Disease*. *Sickness* – договорный статус в обществе [12].

Таким образом, мы имеем дело с тремя понятиями болезни, различающимися источником оценки – квалификации состояния организма как болезнь: *Illness* – квалифицируется самим пациентом, *Disease* – профессионалами (частью социума), *Sickness* – социумом. Применив описанную выше теорию А.Ш. Тхостова, получаем, что *Sickness* – это миф, возникающий в результате превращения означенного (телесного ощущения) – *Illness*, в означающее *Disease* в мифологической схеме *Sickness*.

Русские энциклопедические определения болезни довольно разнообразны, от наиболее общих: «Болезнь – нарушение нормальной жизнедеятельности организма, обусловленное функциональными и морфологическими изменениями» [4, с. 130], до разложения таких же довольно общих определений – «жизнь, нарушенная в своем течении повреждением структуры и функции организма под воздействием внешних и внутренних факторов при реактивной мобилизации его компенсаторно-приспособительных механизмов ...» [9, с. 148], на научные «множители», когда само определение термина, включающего уже и «обозначение заболевания отдельного человека», и «понятия о болезни как нозологической единицы», и «обобщенного понятия о болезни как биологическом и социальном явлении» становится «слишком громоздким», чтобы оставаться определением [5, с. 283]. Таким образом, отсутствие в русском языке специальных номинаций для понятий, частично либо полностью выражаемых английскими *illness*, *disease* и *sickness*, создает, на наш взгляд, дополнительные проблемы для формулировки кратких и достаточно логичных определений болезни как понятия в специальной русскоязычной литературе, не говоря уже о разнице в понимании самой «природы» болезни, выраженной во множестве определений и отраженной в энциклопедических статьях, как в синхронии, так и в диахронии (см., напр., 6, с. 509; 5, с. 288-290).

Тем не менее, процитированное выше определение из «Энциклопедического словаря медицинских терминов» [9] является, по нашему мнению, одним из наиболее удачных для целей лингвокультурного описания концепта «болезнь», т.к. знак равенства, стоящий в нем между болезнью и жизнью (хотя и «нарушенной»), позволяет соотнести это понятие не только со злом, заключенным в этимологически выявляемой части внутренней формы слова болезнь (см., напр., 8), но и с тем благом, которое, вероятно, содержится в другой части внутренней формы слова, и о котором упоминает в «морфологии зла болезни» Ян Хартман [11], предлагая оценить болезни как «не-зло», как нечто позитивное, в понимании добра, и считая что «позитивный рефлекс» необходимым «в прагматических целях»: «Как любая неизбежная вещь болезнь должна быть представлена как что-то значимое и ценное в широкой перспективе человеческого существования». Все философские теории, пишет он, стараются «найти смысл в болезни». В этом отношении христианское понимание болезни двусмысленно: с одной стороны, учит, что болезнь испытание, которым Бог «проверяет» нашу веру, являясь

важным религиозным измерением. С другой стороны, христианство также рассматривает болезнь «как что-то плохое», чему Бог позволяет существовать и поэтому его надо «терпеть и принимать». [там же].

Вышеупомянутые «попытки найти смысл в болезни» прослеживаются в ряде стереотипных структур концепта «болезнь» на фразеологическом материале: и в английской, и в русской лингвокультурах «болезнь – судьба» (*Болезнь нас не спрашивает; Death when it comes will have no denial*); «болезнь – следствие неправильного поведения (излишеств в пище, развлечениях, заботах и лени)» (т. е. греха): *Не в меру еда – болезнь и беда; Diseases are the interests of pleasures*; «болезнь – не всегда плохо» (*Без болезни и здоровью не рад; We are usually the best men when in the worst health*). А вот и русский вариант различия английских *sick* и *diseased* «не всякий, кто называет себя *больным* – действительно *болен*»: *Не каждый больной, кто стонет*.

Итак, подведем некоторые итоги наших наблюдений. «Мифические» концепты, которыми с незапамятных времен являются «здоровье» и «болезнь» – динамичные, меняющиеся конструкты. На их развитие влияют многие факторы, важнейшим из которых является тот исторический этап развития мифа, который проходит культура, где этот миф обитает.

Как следует из приведенных выше исторических и языковых фактов, в обеих культурах существуют общие, сложившиеся на протяжении многих веков, инвариантные стереотипные модели концептов «здоровье» и «болезнь», нашедшие отражение в языке, однако их варианты могут несколько отличаться, так, в английском языковом сознании существует детерминация биологического и социального понимания болезни уже на уровне отдельных лексем, в русском – данное явление наблюдается на более сложном уровне – во фразеологии. Некоторые различия в стереотипных моделях (в частности, то, что болезнь – результат тяжелой работы в русском языковом сознании: (поговорка) *От работы не будешь богат, скорее будешь горбат*), на наш взгляд, можно объяснить разницей в ценностных приоритетах культур двух народов.

Литература:

1. Ковлакас Е. Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексикопрагматический и этнокультурный аспекты: автореф. дис. ... док. филол. наук, 10.02.19. / Елена Федоровна Ковлакас. – Краснодар – 2009. – 51 с.
2. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Языковое сознание: Тезисы докладов IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1966. – С. 105-106.
3. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность, 1993. – С. 16-21.
4. Новый энциклопедический словарь / Большая Российская энциклопедия. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1456 с.
5. Петровский, Б. В. Большая медицинская энциклопедия / Гл. ред. Б. В. Петровский. – Изд. 3-е (в 30-ти т.). – М. : «Советская энциклопедия», 1978. – Т. 9. – 528 с.
6. Прохоров, А. М. Большая Советская Энциклопедия (в 30 т.) / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : «Советская энциклопедия», 1972. – Т. 9. – 624 с.
7. Тхостов, А. Ш. Болезнь как семиотическая система [Электронный ресурс] / А. Ш. Тхостов // Вестн. Моск. ун-та. – 1993. – Сер. 14 : Психология. – № 1. – С. 3-16 // Режим доступа : <http://yanko.lib.ru/> | <http://www.chat.ru/~yankos/ya.html>.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / М. Фасмер. – Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стереотип. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 1. – 573 с., Т. 2. – 671 с.
9. Энциклопедический словарь медицинских терминов / гл. ред. ак. Б. В. Петровский. – Изд. перв. – М. : Изд-во «Советская энциклопедия», 1982. – Т. 1. – 464 с.
10. Britannica the New Encyclopedia, Part 2 / Micropedia, 1994. – Volume 5. – P. 779-780.
11. Hartman J. Illness as evil and Illness as good [Electronic resource] / Jan Hartman // Bioethics. – 2002. // Access : http://www.iphils.uj.edu.pl/~j.hartman/do.php?c=bioethics&p=illness_as_evil_and_illness_as_good.
12. Marinker M. Why make people patients? [Electronic resource] / M. Marinker // Journal of Medical Ethics. – 1975. – № 1. – P.81-84 // Access : http://mh.bmjournals.com/cgi/external_ref?access_num=1177271&link_type=med
13. Micale M. S. Strange signs of the times. / Mark. S. Micale // Times Literary Supplement, no. 4911 (16 May 1997). – Pp. 6-7.
14. Showalter E. Hystories. Hysterical epidemics and modern culture. / E. Showalter. – London : Picador, 1997. – 244 p.